

Маркевич Болеслав Михайлович

Четверть века назад
Правдивая история. Часть 1

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Четверть века назад: Правдивая история. Часть 1 / Маркевич Болеслав Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 452 с.

ISBN 978-5-519-95422-8

ISBN 978-5-519-95422-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часть первая.

Увы, гдѣ розы тѣ, которыя такой
Веселой радостью и свѣжестью дышали?
Фетъ.
А тотъ, кому я въ дружной встрѣчѣ
Страницы первыя читалъ—
Того ужъ нѣтъ.....

I.

Свѣтлымъ вечеромъ, въ началѣ мая, 1850-го года, дорожная коляска катилась по шоссе, по направленію отъ Москвы къ одному изъ ближайшихъ къ ней губернскихъ городовъ. Въ коляскѣ, съ слугою на козлахъ, сидѣли два молодые человѣка 23 — 24-хъ лѣтъ, два пріятеля, — и вели между собою оживленный разговоръ:

— Богъ знаетъ что ты со мною дѣлаешь, Ашанинъ, говорилъ полузабоченно, полуусмѣхаясь, одинъ изъ нихъ, свѣтловолосый, съ нѣжнымъ цвѣтомъ кожи и большими свѣрыми, красиваго очерка глазами.

Тотъ къ которому относились эти слова былъ то что называется писанный красавецъ, черноглазый и чернокудрый, съ какимъ-то побѣднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ лукавымъ. выраженіемъ лица, слышій въ то время въ Москвѣ неотразимымъ донъ-Жуаномъ.

— А что я съ тобою, съ Казанскимъ сиротою, дѣлаю? передразнивая пріятеля, весело разсмѣялся онъ.

— Ну, съ какой стати ѣду я съ тобою въ Сицкое, къ людямъ о которыхъ я понятія не имѣю?

— Во первыхъ, ты ѣдешь не въ Сицкое, а куда тебѣ слѣдуетъ, — то есть въ Сашино, къ себѣ домой, къ милѣйшей тетулкѣ твоей, Софьѣ Ивановнѣ, — а въ Сицкое ты

только заѣзжаешь изъ дружеской услуги,—меня довезти. Во вторыхъ, самъ ты говоришь,—ты князь Ларіона Васильевича Шастунова знаешь съ дѣтства.

Бѣлокурый молодой человѣкъ — звали его Гундуровымъ — качнулъ головой:

— Знаю!.. Десять лѣтъ тому назадъ, когда я мальчишкою изъ дворянскаго института пріѣзжалъ на каникулы въ Сашино, я его два, три раза видѣлъ у тетуски. Важное знакомство!

— Все одно, онъ съ Софьей Ивановной давно и хорошо знакомъ, а тебя онъ теперь по твоей университетской репутаціи знаетъ... Да и я мало-ли про тебя всѣмъ имъ говорилъ зимою!.. Ручаюсь тебѣ, что приметъ онъ вашу милость наилюбезнѣйшимъ образомъ: онъ вообще благоволитъ къ молодымъ людямъ, а тебя, тѣмъ болѣе, оцѣнить по первому же разговору.

— Если бы мы еще къ нему собственно ѣхали, молвилъ Гундуровъ,—такъ и быть!.. А то вѣдь онъ и самъ гостить въ Сицкомъ. Оно вѣдь не его?..

— А невѣстки его, княгини Аглаи Константиновны, — знаю. А князь Ларіонъ — братъ ея мужа и опекунъ ея дѣтей, слѣдовательно не гостить, а живетъ по праву въ Сицкомъ... А тамъ театръ, во всей формѣ театръ, съ ложами, говорятъ, съ помѣщеніемъ человѣкъ на четыреста, и княжна Лина, восхитительнѣйшая Офелія, какую себѣ можетъ только представить самое пламенное воображеніе! горячо расходился чернокудрый красавецъ.

Пріятель его разсмѣялся.

— Ну, поскакалъ теперь на своемъ конькѣ! сказалъ онъ.

— И ни чуточки!.. ты знаешь, барышни не по моей части,—это разъ; а затѣмъ, княжна Лина одно изъ тѣхъ созданій,—есть такія! (какая-то серьезная, чуть не грустная нота зазвучала въ голосѣ Ашанина)—къ которому ты съ нечистымъ помысломъ и подойти не рѣшишься... и нашъ братъ, отпѣтый ходокъ, чуетъ это вѣрнѣе чѣмъ всѣ вы, непорочные, взятые вмѣстѣ! Я на нее поэтому вовсе и не смотрю какъ на женщину, а говорю тебѣ, единственно какъ на Офелію...

— И съ талантомъ она, ты думаешь? спросилъ Гунду-ровъ, невольно увлекаясь.

— Не сомнѣваюсь, хотя она всего разъ, говорила мнѣ, играла за границей, въ какой-то французской пьесѣ. Она, не можетъ не быть талантлива!

Бѣлокурый молодой человѣкъ задумался.

— Воля твоя, любезный другъ, заговорилъ онъ нерѣши-тельно, — а, согласишься ты съ этимъ, очень неловко выхо-дить, что я у совершенно незнакомыхъ мнѣ людей стану вдругъ ломаться на сценѣ?..

— Ломаться! негодующимъ кликомъ воскликнулъ Аша-нинъ, — играть Гамлета значить у тебя теперь ломать-ся!... Это что-же, ты изъ петербургской твоей жизни по-черпнулъ?... Гдѣ-же эта горячая любовь къ искусству, о которой ты намъ постоянно проповѣдывалъ? Развѣ не пом-нишь какъ мы съ тобою читали Шекспира, какъ ты не разъ говорилъ мнѣ и Вальковскому что, если бы не твои занятія, не университетъ, не каѳедра къ которой ты гото-вился, ты бы почелъ себя счастливымъ сыграть роль Гам-лета, что это было бы для тебя величайшимъ наслажде-ніемъ!

— Я и теперь такъ думаю! вырвалось у Гундурова.

— Такъ изъ за чего-же ты теперь ломаешься?... Да, за-смѣялся Ашанинъ, — ломанье-то выходитъ у тебя теперь, а не когда ты выйдешь на сцену!... И какой еще тебѣ мо-жетъ лучший случай представиться? Далеко отъ Москвы, ни-кому невѣдомо, въ порядочномъ обществѣ... Каѳедра, — ты самъ говорилъ что, послѣ того какъ тебѣ отказали въ за-граничномъ паспортѣ, о ней пока думать нечего!.. Что-же, ты киснуть теперь станешь, болѣть, самоглотать себя бу-дешь?... Вѣдь жить надо, Сережа, просто жить, жи-ить! протянулъ онъ, схватывая пріятеля за руку, и наклонившись къ нему, ласково и заботливо глянулъ ему въ лице.

Гундуровъ пожалъ его руку — и замолчалъ: онъ не нахо-дилъ внутри себя отвѣта на доводы Ашанина.

Онъ только наканунѣ вечеромъ вернулся изъ Петербурга, гдѣ провелъ всю зиму, и откуда наконецъ бѣжалъ подъ гнѣ-тушимъ впечатленіемъ испытанныхъ имъ тамъ недочетовъ. Вотъ что съ нимъ было:

Окончивъ, за годъ предъ тѣмъ въ Москвѣ блистательнымъ образомъ курсъ по филологическому факультету, Гундуровъ, котораго университетъ имѣлъ въ виду для занятія должности адъюнкта по кафедрѣ славянской филологіи, отправился на берега Невы добывать себѣ заграничный паспортъ „въ Австрію и Турцію, для изученія“—такъ прописано было наивно въ поданной имъ о томъ просьбѣ — „исторіи и быта славянскихъ племенъ“. Объ этомъ путешествіи, на которое онъ полагалъ посвятить три года, онъ мечталъ во все время пребывания своего въ университетѣ; безъ этого, безъ живаго изученія на мѣстѣ славянскихъ языковъ, безъ личнаго знакомства съ Ганкою, съ Шафарикомъ, съ апостолами славянскаго возрожденія, „какой я славистъ, какой я буду профессоръ“! основательно разсуждалъ онъ... Къ ужасу его, послѣ нѣсколькихъ недѣль ожиданія, онъ былъ вызванъ въ паспортную экспедицію, гдѣ поданная имъ просьба была возвращена ему въ копіи, съ копіею же на ней слѣдующей резолюціи: „Славянскій бытъ“—слово это было подчеркнуто— „можно изучать отъ Петербурга и до Камчатки“... Гундуровъ ничего не понялъ, и страшно взволновался; онъ кинулся ко всѣмъ кого только мало-мальски зналъ въ Петербургѣ, жаловался, объяснялся, просилъ... У него былъ дядя, занимавшій довольно видное мѣсто въ тогдашней администраціи; этотъ достойный сановникъ пришелъ, въ свою очередь, въ ужасъ, частью отъ того что племянникъ его „губитъ себя въ конецъ“, еще болѣе вслѣдствіе такого соображенія, что и самъ онъ, Петръ Ивановичъ Осмиградскій, тайный совѣтникъ и директоръ департамента, можетъ быть, пожалуй, компрометированъ, если узнаютъ что у него есть близкій родственникъ съ такимъ опаснымъ образомъ мыслей. — „И въ чью голову ты гнешь, какую стѣну думаешь ты прошибить? укорялъ и наставлялъ онъ Гундурова, — „самъ же себѣ дѣло напортилъ, а теперь думаешь крикомъ поправить! Въ просьбу, въ официальную просьбу ввернулъ „бытъ“ какой-то дурацкій! Какой тамъ бытъ въ Турціи, и кто въ Турцію ѣздитъ путешествовать? Понимаешь-ли ты какъ это могло быть понято?!“ Бѣдный молодой человекъ совершенно растерялся,—дядя мрачно намекнулъ ему

даже на какую-то черную книгу, въ которую онъ „за не-воздержность языка“ будто уже успѣлъ попасть, благодаря чему ученая карьера навсегда-де для него закрыта. „И вѣдь нашель же время о какой-то своей славянской наукѣ говорить“, разсуждалъ Петръ Ивановичъ, — „когда еще недавно мятежники Венгерцы своего законнаго государя чуть съ престола не ссадили!“

— То Венгерцы, пробоваль возражать Гундуровъ, — а Славяне спасли и престоль и династію Габсбурговъ...

Но Петръ Ивановичъ только руками махаль. „Поступай ты сюда на службу, — это твое единственное спасеніе!...“ Увы, все то что ни видѣль, ни слышаль Гундуровъ въ Петербургѣ служило ему лишь роковымъ, неотразимымъ подтвержденіемъ доводовъ дяди. „Какая дѣйствительно, нужна имъ, а для насъ какая возможна наука теперь?“ говорилъ онъ себѣ. Онъ вспоминаль Москву, Грановскаго, лучшихъ тогдашнихъ людей: — „развѣ они не въ опалѣ. не подъ надзоромъ, не заподозрены Богъ знаетъ въ чемъ?..“ Что же однако было ему дѣлать съ собою? Съ отчаянія, и поддаваясь внушеніямъ дяди, онъ поступилъ на службу. Но онъ чуть не-задохся въ невыносимой для него, свѣжаго студента и Москвича, духотѣ Петербургской канцеляріи: и люди, и то что они дѣлали тамъ, было для него глубоко, болѣзненно ненавистно; его тошнило отъ одного вида синихъ обложекъ дѣлъ, изъ которыхъ поручалось ему составить справку; ему до злости противны были желтый ротъ и обглоданные ногти поручавшаго ему составлять эти справки Владиміра Егоровича Красноглазова, его ближайшаго начальника... Не прошло шести мѣсяцевъ, и Гундуровъ, добывъ себѣ свидѣтельство о болѣзни, подалъ въ отставку и уѣхаль въ Москву...

Тетки его не было въ городѣ, — она еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ уѣхала въ деревню. Ему нетерпѣливо хотѣлось увидеть ее, и онъ тотъ часъ же собрался ѣхать въ Сашино, не по-видавшись ни съ кѣмъ изъ московскихъ знакомыхъ. Только Ашанинъ, его пансіонскій товарищъ и большой пріятель, прискакаль къ нему, узнавъ случайно о его пріѣздѣ.

Ашанинъ, когда-то много общавшій юноша, поступилъ въ университетъ изъ дворянскаго института одновременно съ

Гундуrowымъ, но на первомъ же курсѣ вышелъ изъ него, чтобы жениться на какой-то перерзѣлой дѣвѣ, которая влюбила его въ себя тѣмъ выраженіемъ съ какимъ пѣла она Варламовскіе романсы, а черезъ два года ревнивыхъ слезъ и супружескихъ бурь отошла въ вѣчность, оставивъ его двадцати лѣтнимъ вдовцемъ и коптителемъ неба. Добрѣйшій сердцемъ и вѣчно увлекающійся, онъ жилъ теперь въ Москвѣ ничего не дѣлая, или, вѣрнѣе, дѣлая много долговъ, въ ожиданіи какого-то никакъ не дававшася ему наслѣдства, вѣчно томясь своимъ бездѣйствіемъ и вѣчно не находя для себя никакого занятія, и все время остававшееся ему отъ безчисленныхъ любовныхъ похощеній отдавалъ театру и любительскимъ спектаклямъ, въ которыхъ неизмѣнно держалъ амплуа перваго любовника.

Эта страсть еще болѣе чѣмъ пансіонская дружба служила связью между имъ и Гундуrowымъ. Не менѣе пылко любилъ и молодой славистъ драматическое искусство, но разумѣя его и выше, и глубже, и строже, чѣмъ это дѣлалъ Ашанинъ, цѣнившій театральныя произведенія прежде всего со стороны изъ сценической удобоисполняемости. Серьезныя, поглощавшія почти все его время въ университетѣ занятія по его специальности, и боязнь повредить скопоморошествомъ своей молодой ученой репутаціи заставляли его налагать строгую узду на свои собственныя театральныя хотѣнія; но онъ понималъ Ашанина, онъ не разъ завидовалъ ему, его „безалаберной свободѣ“, при которой онъ, Гундуrowъ, „если бы былъ на его мѣстѣ непременно поставилъ бы на сцену Шиллеровскаго Валленштейна, Шекспировскія драмы!..“ Ашанинъ съ своей стороны находилъ въ этой любви Гундуrowа къ театру какъ бы оправданіе себѣ, и серьезно иной разъ послѣ бесѣды съ нимъ возводилъ въ собственныхъ глазахъ свои упражненія перваго любовника на степень дѣйствительнаго дѣла. Онъ при этомъ былъ самаго высокаго понятія о способностяхъ, объ образованности Гундуrowа, глубоко уважалъ его мнѣніе, и любилъ его отъ всей души.

Онъ тотчасъ же со врожденною ему сообразительностью понималъ что этотъ отказъ Гундуrowу въ дозволеніи ѣхать за границу, неудавшаяся его попытка найти себѣ другое дѣло,

что весь этот разгромъ его лучшихъ, чистыхъ, законныхъ желаній припираетъ пріятеля его къ стѣнѣ, оставляя его безъ выхода, — но что теперь, сейчасъ, „ничего съ этимъ не подѣлаешь, никакой изводящей звѣздочки на небѣ не вымотришь.“ Теперь представлялась одна задача: не дать объ этомъ пока думать Гундурову, вызвать его на время изъ подъ гнета впечатлѣній вынесенныхъ имъ изъ Петербурга, — словомъ, говорилъ себѣ Ашанинъ, припоминая чью-то шутовскую выходку: „коли безъ хлѣба, такъ дать хоть маленечко пряничкомъ побаловаться.“ Пряничекъ этотъ тотъ часъ-же представился Ашанину во образѣ любительскаго спектакля, — единственное „балованье себя“ на которое могъ согласиться Гундуровъ, — спектакль гдѣ бы пріятель его могъ сыграть „хорошую“, любезную ему роль, въ которую онъ „ушелъ бы весь, ушелъ ото всей этой петербургской мерзости.“ А тутъ и случай выходилъ такой великолѣпный: княгиня Шастунова, съ которою Ашанинъ познакомился зимою, и въ домѣ которой часто бывалъ, затѣвала у себя въ деревнѣ спектакль, въ которомъ собирались участвовать всѣ почти состоявшіе тогда въ Москвѣ на лице актеры любители. Оказывалось при этомъ что имѣніе Гундунова, куда онъ уѣзжалъ въ тотъ же день, и Сицкое Шастуновыхъ находились въ томъ-же уѣздѣ, въ какихъ нибудь пятнадцати верстахъ разстоянія, что кромѣ того существовали даже старинныя добрыя отношенія между теткою его пріятеля, Софьею Ивановною Переверзиною, и владѣльцами Сицкаго.... „Да это сама благоволящая къ тебѣ судьба такъ удачно устроила, горячо доказывалъ Ашанинъ; вѣдь подумай, Сережа, тамъ можно будетъ Гамлета поставить!...“

Онъ попалъ, что говорится, въ самую жилку. Выйти, попробовать себя въ Гамлетѣ, — какъ пламенно мечталъ объ этомъ Гундуровъ въ оны дни! Во всей человѣческой литературѣ онъ не признавалъ ничего выше Гамлета, ни одно великое произведеніе такъ глубоко не „забирало“ его. Онъ зналъ наизусть всю роль датскаго принца и бывало, увлекаясь до слезъ, читалъ ее въ свободныя минуты Ашанину и общему ихъ пансіонскому товарищу, Вальковскому, бѣдному и малообразованному чиновнику какой-то палаты,

но который опять таки былъ дорогъ Гундурову вслѣдствіе уже совершенно фанатической любви своей къ сценѣ...

Къ тому же, поддавался молодой человѣкъ на доводы пріятеля, ему теперь дѣйствительно нужно разсѣяться: вѣдь „сѣума же можно сойти вертась, какъ бѣлка въ колесѣ, все на той же мысли: что я съ собой буду дѣлать?...“ Гундурову было двадцать два года;— „не пропадать же въ самомъ дѣлѣ!“ подсказывала ему его здоровая, склонная къ энтузіазму натура... Кончилось тѣмъ что онъ принялъ предложеніе Ашанина довести его къ Шастуновымъ въ Сицкое, по дорогѣ къ себѣ въ деревню, гдѣ ждала его тетка, воспитавшая его, и къ которой онъ былъ горячо привязанъ, — „а тамъ увидимъ... смотря какъ... я не отказываюсь, но и...“

Ашанину ничего болѣе не нужно было. Онъ мигомъ собрался,—и друзья наши, пообѣдавъ въ Троицкомъ трактирѣ и выпивъ, по предложенію Ашанина, бутылку шампанскаго „во здравіе искусства,“ выѣхали, не теряя времени, изъ Москвы.

Они теперь были отъ нея уже довольно далеко; солнце быстро склонялось на западъ...

— Эта твоя княгиня, заговорилъ опять Гундуровъ,—вдова, должно быть, князя Михаила Васильевича Шастунова, что посланникомъ гдѣ-то былъ. Онъ вѣдь умеръ?...

— Два года тому назадъ. Онъ оставилъ дочь и сына мальчишку. Они всѣ, съ князь Ларіономъ, жили потомъ въ Италіи, а нынѣшнюю зиму провели въ Москвѣ. Княжнѣ Линѣ минетъ 19-ть лѣтъ; ее вывозили въ свѣтъ зимою, но она, говоритъ, на балахъ скучала. Я имъ и предложилъ „театрикъ,“ какъ выражается Вальковскій....

— Ахъ, что Вальковскій, гдѣ онъ? прервалъ Гундуровъ.

— У нихъ теперь, въ Сицкомъ,—я его познакомилъ,—съ недѣлю какъ туда уѣхалъ съ декораторомъ, полотномъ, красками, и цѣлою библіотекою театральныхъ пьесъ, которыя какъ-то умѣлъ добыть изъ Малаго театра.

— Онъ все тотъ-же?

— Неизмѣненъ! молвилъ, разсмѣявшись красавецъ; — все также грубъ, таже рожа сорокалѣтняго верблюда и кабаній клыкъ со свистомъ, и таже страсть съ этою рожей играть

молодые роли!... Студента Фортункина мечтает теперь изобразить въ Шилъ въ мѣшкѣ не утаишь. Можешь себѣ представить какъ милъ будетъ въ этомъ!...

— И ты думаешь, началъ помолчавъ Гундуровъ, — что Гамлета дѣйствительно можно будетъ поставить?...

— Еще бы! Какъ разъ по вкусу хозяйки! Она, видишь ты, непремѣнно хочетъ „что-нибудь классическое, du Molière ou du Shakespeare, говорить, все равно, только que se soit sérieux.“ Она, сказать кстати, молвилъ разсмѣясь Апанинъ, — княгиня-то Аглая, — глупа какъ курица, а къ тому съ большими претензіями. Ей смерть хочется чтобы принимали ее за прирожденную большую барыню, а, на ея бѣду, рождена она Раскаталова, дочь миллионера-откупщика, и рожденіе-то ея, несмотря что она всегда въ свѣтѣ жила, и даже посланницей была, нѣтъ, нѣтъ, да и скажется... Иной разъ вслѣдствіе этого у князь Ларіона вырываются жесткія слова по ея адресу.

— А что онъ за человѣкъ самъ? спросилъ Гундуровъ, — въ дѣтствѣ онъ мнѣ представлялся всегда какимъ то очень важнымъ и суровымъ...

— Онъ настоящій баринъ, и рѣдко образованный человѣкъ! Онъ, вѣдь ты знаешь, занималъ большіе посты, за границей и здѣсь; долго въ большой силѣ былъ, говорятъ. Два года тому назадъ, въ 48-мъ году, онъ попалъ въ немилость, и вышелъ въ отставку. Въ тоже время умеръ его братъ; онъ уѣхалъ къ его семейству, въ Италію. — и вотъ съ тѣхъ поръ живетъ съ ними.... Онъ, кажется, княжну очень любить, но любезную невѣстуху, видимо, въ душѣ не переноситъ!... И понятно: его барской брезгливости долженъ быть нестерпимъ этотъ — какъ бы тебѣ сказать? — этотъ душокъ Раскаталовскаго подвала, пробивающій сквозь ея англійскій ess bouquet... Къ тому-же... Они, надо тебѣ сказать, съ братомъ, въ молодости, — тебѣ вѣрно рассказывала Софья Ивановна? — очень сильно прожились... Шли они по службѣ очень быстро, состояли при графѣ Каподистріа, въ дипломатической канцеляріи самого Императора Александра, ѣздили съ нимъ въ путешествія, на конгрессы, — и вездѣ жили барами, игру большую вели... А тутъ еще

Байронъ со своею свободою Греціи;—филеллинами они были, жертвовали, говорятъ, на это несмѣтными деньгами... Старикъ отецъ ихъ, Екатерининскій генераль-аншефъ, другъ князя Потемкина, съ своей стороны счета деньгамъ не зналъ. Словомъ, распорядились они втроемъ такъ прекрасно, что все ихъ Шастуновское княжество съ молотка бы пошло, если бы князь Михайло, по приказанію отца, не женился на распрекрасной Аглаѣ. Ея милліонами все было выкуплено; но и она, не будь глупа, хотя и была какъ кошка влюблена въ мужа, а это его и князь-Ларіона имѣніе—старикъ князь тутъ-жѣ кстати и померъ—выкупила все на свое имя. Мужъ такимъ образомъ очутился по состоянію въ ея зависимости, а князь Ларіонъ остался бы, почитай, безъ гроша, если бы не наслѣдовалъ полторы тысячи душъ отъ матери, которая не жила съ его отцемъ и умерла католичкой въ какомъ то монастырѣ въ Римѣ... Князь Михайлѣ жена его, говорятъ, внушала полное отвращеніе, тѣмъ болѣе что она всю жизнь преслѣдовала его своими нѣжностями.... Все одно что меня моя покойница, комически вздохнулъ красавецъ, — съ тою разницею только что моя просто пѣла мнѣ: „люби меня, люби меня!“, а Аглая своему мужу припѣвала еще къ этому: „я любовь твою купила“, и никакъ не хотѣла помириться съ тѣмъ что этотъ купленный ею товаръ никакъ не давался ей въ руки... А князь Михайло былъ, говорятъ, чловѣкъ прелестный, необычайно счастливый въ женщинахъ. Аглая бѣсилась, умирала отъ ревности, чуть не по начальству жаловалась, всячески компрометировала своего мужа. Долгое время, говорятъ, супружество ихъ было адъ сущій... Но года за два до смерти онъ вдругъ измѣнился, впалъ въ *haute dévotion*, какъ это было съ его матерью, и сблизился съ женой христіанскаго смиренія ради.... Ну, съ князь Ларіономъ—другая пѣсня! засмѣялся Ашанинъ; — передъ этимъ сама она должна смириться...

— Они что-же, въ Москвѣ теперь станутъ жить по зимамъ? заинтересовался Гундуровъ.

— По неволѣ! Княгинѣ-то смерть хочется въ Петербургъ, — да не рѣшается. Князь Ларіонъ ни за какія сокровища не поѣдетъ теперь въ этотъ „ефрейторскій городъ“ — какъ онъ